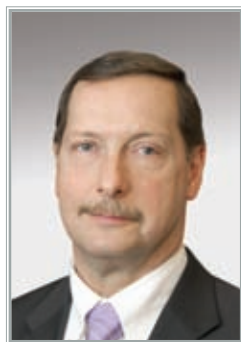

РОССИЯ И ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

РУКОВОДИТЕЛЬ ЦЕНТРА
МЕЖДУНАРОДНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ИНСТИТУТА
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК
АКАДЕМИК РАН
Алексей Георгиевич
Арбатов

ВВЕДЕНИЕ

Современные оценки ядерных арсеналов, их боевого потенциала и доктрин держав подвержены эффекту своего рода тривиализации, то есть низведения до обыденности и формализма. Более всего это объясняется тем, что за 70 лет, прошедшие с момента первого испытания и боевого применения ядерного оружия (далее – ЯО), человечество привыкло жить с этими средствами массового уничтожения и испытывает самоуспокоенность: раз оружие после 1945 года ни разу не было использовано, то якобы нет оснований тревожиться об этом и в будущем.

В настоящее время, после четверти века беспрецедентной разрядки напряженности и сотрудничества великих держав, наступил этап резкого обострения международных противоречий. В этой обстановке внимание политиков, специалистов и прессы вновь обратилось к ЯО, о роли и возможности применения которого порой рассуждают весьма вольно и как бы между делом.

Поколение, живущее сегодня, политические элиты и государственные лидеры ведущих держав в сво-

ем подавляющем большинстве не помнят постоянного страха перед ядерной катастрофой, который испытывали люди в течение десятилетий холодной войны, и не имеют опыта опаснейших международных кризисов, таких как Суэцкий (1957 год), Берлинский (1961 год), Карибский (1962 год), Ближневосточный (1973 год). В те десятилетия мир раз за разом подходил к грани всеобщей катастрофы, пока не закончилась холодная война, устрашающая реальность которой ныне нередко подменяется мифологией «стабильности», «предсказуемости» и «равноправия сторон». Сказывается и то обстоятельство, что разрушительная мощь этого вида оружия настолько велика, что большинство людей – за исключением тех, кто пережил трагедию Хиросимы и Нагасаки, а также непосредственных участников ядерных испытаний – просто неспособны осознать ее. По усредненным расчетам, суммарное число развернутых в мире ядерных боеприпасов всех видов и типов достигло пика в 68 тыс. единиц в 1984–1985 годах. Общая взрывная мощь мирового ядерного арсенала вышла на максимум в период около 1974–1975 годов и составила порядка 25 тыс. Мт (в 1,6 млн раз больше хиросимской бомбы, убившей 170 тыс. человек).

Согласно экспертным оценкам, американский ядерный арсенал достиг максимальной численности примерно в 32 тыс. единиц в 1967 году, а советский – в 45 тыс. единиц в 1985 году (альтернативные подсчеты оценивают пиковые значения ядерных сил СССР в 36–39 тыс. боезарядов)¹. В настоящее время, по международным научным выкладкам, в мире остается примерно 16 тыс. ядерных боезарядов в боевом составе и на складском хранении девяти ядерных государств². Их суммарная мощность составляет порядка 1,5–2 тыс. Мт, то есть как минимум в 100 тыс. раз больше разрушитель-

¹ Cohran T., Arkin W., Norris R., Sands J., Nuclear Weapons Data Books. Vol. IV. N.Y., 1989. P. 22–27.

² SIPRI Yearbook 2014. Armaments, Disarmament and International Security. Stockholm: Oxford University

Press, 2014. P. 288. В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться: SIPRI Yearbook 2014...

1

МБР ШАХТНОГО БАЗИРОВАНИЯ СОСТАВЛЯЮТ ЗНАЧИТЕЛЬНУЮ ЧАСТЬ НАЗЕМНЫХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЯДЕРНЫХ СИЛ РОССИИ

2

ПОДВИЖНЫЙ ГРУНТОВЫЙ РАКЕТНЫЙ КОМПЛЕКС С МБР «ЯРС» (РС-24)

ной силы хиросимской бомбы. Из общего числа боезарядов примерно 95% приходится на Россию и США.

Следует оговориться, что приведенные данные об умопомрачительной разрушительной мощи ядерного потенциала раскрывают только часть картины в виде действия ударной волны. В реальности его поражающий эффект намного больше с учетом теплового излучения, проникающей и остаточной радиации, а также электромагнитного импульса. Кроме того, экологические исследования в 2007–2008 годах продемонстрировали, что даже ограниченный обмен ядерными ударами с применением порядка 100 боезарядов или региональный ядерный конфликт (не говоря уже о тотальной войне) привели бы непосредственно к гибели многих миллионов людей, а также к разрушению озонового слоя, задымлению верхних слоев атмосферы на протяжении ряда лет с глобальными последствиями для климата, сельского хозяйства и здоровья людей (так, сотни миллионов человек умерли бы от голода)³.

Приведенные выше сведения зачастую «выводятся за скобки» при обсуждении ядерных проблем. Более того, некоторые политики и эксперты в России и за рубежом ныне открыто бравировать рассуждениями о «цивилизующем эффекте» ЯО для международных отношений, имея в виду проявление ядерными государствами сдержанности во внешней и военной политике из страха перед ядерной катастрофой.

Возможно, что в годы холодной войны наличие ЯО действительно помогло избежать третьей мировой. Правда, обоюдное осознание этой реальности пришло не сразу, а после потери Соединенными Штатами своей неуязвимости ввиду создания Советским Союзом межконтинентальных средств доставки ЯО в конце 1950-х и начале 1960-х годов. К тому же миру пришлось пройти череду острых кризисов, в ходе которых, судя по многим обнаруженным в последние

годы фактам, катастрофы удалось избежать по счастливой случайности.

Поэтому, проводя сухой научный анализ ядерной проблематики вроде того, что представлен ниже, стоит помнить, что на практике означало бы осуществление кажущихся рациональными концепций и планов разнообразных ударов и операций с применением ЯО.

ЯДЕРНЫЕ СИЛЫ, ПРОГРАММЫ И ДОКТРИНЫ РОССИИ

В 1949 году Советский Союз провел первое ядерное испытание и тем самым зафиксировал создание ЯО, отстав от США всего на 4 года. Этот прорыв обескуражил Америку, которая рассчитывала, что разоренный войной СССР догонит ее лишь через несколько десятилетий. Полученная советской разведкой информация об устройстве атомной бомбы не была решающей, а лишь немного сократила сроки и затраты на то, чтобы догнать Соединенные Штаты. Менее 10 лет спустя так же неожиданно произошел второй исторический прорыв в стратегическом балансе двух сверхдержав: СССР создал межконтинентальные баллистические средства доставки ЯО, лишив США их традиционной неуязвимости за океанами и в корне подорвав их военно-политическую стратегию противоборства с Советским Союзом.

Два указанных события заложили базис стратегического баланса и взаимоотношений двух держав в сфере ЯО. С тех пор этот баланс менялся количественно и качественно, а с конца 1960-х годов, после достижения Советским Союзом военно-стратегического паритета с США, был дополнен переговорами об ограничении и сокращении стратегических вооружений. Но в основе своей положение не изменилось и по сей день, включая

³ Eliminating Nuclear Threats: A practical agenda for global policymakers. Canberra, 2009. P. 15.

3

ПЛАРБ ТИПА «ДЕЛЬФИН» (ПРОЕКТ 667 БДРМ). НА ЕГО ВООРУЖЕНИИ СТОЯТ БРПЛ «СИНЕВА»/«ЛАЙНЕР» (РСМ-54)

4

РАКЕТНЫЙ ПОДВОДНЫЙ КРЕЙСЕР СТРАТЕГИЧЕСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ «ЮРИЙ ДОЛГОРУКИЙ» – ГОЛОВНОЙ КОРАБЛЬ ПРОЕКТА 955 «БОРЕЙ»

основополагающие доктрины ядерного сдерживания во всех их вариациях.

Суть стратегического ядерного баланса СССР/РФ – США с начала 1960-х годов и поныне состоит в обоюдной военно-технической неспособности нанести оппоненту разоружающий первый удар, который предотвратил бы неприемлемый ущерб в результате ответного удара другой стороны. На основе потенциала «взаимного гарантированного уничтожения» строятся отношения «взаимного ядерного сдерживания». Этот тип военных взаимоотношений в 1990 году получил юридическое оформление в виде концепции «стратегической стабильности», которая легла в основу переговоров и соглашений о сокращении и об ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ). Указанный тип отношений характерен только для двустороннего военного баланса России и США, в обозримом будущем его не способны изменить никакие наступательные или оборонительные системы сторон.

Поскольку военный потенциал России существует и должен оцениваться не только в абсолютных категориях, но и в сложной системе глобального и регионального соотношения сил, ниже приведены основные характеристики ядерных сил России в сопоставлении с вооружениями других держав, и прежде всего США.

Наличие стратегические вооружения. Согласно обмену данными по новому Договору СНВ от 2010 года, на 1 января 2015 года российские стратегические ядерные силы (СЯС) состояли из 528 развернутых носителей: межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования (МБР), баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) и тяжелых бомбардировщиков, на которых было размещено 1643 ядерных боезаряда.

Для сравнения: у США на тот момент было 794 развернутых носителя и 1642 ядерных боезаряда. В том числе имелось 447 МБР «Минитмен-3» шахтного базирования, 14 атомных ракетных подводных лодок с 260 БРПЛ «Трайидент-2» и 87 тяжелых бомбардировщиков (10 типа Б-2А и 77 типа Б-52).

Следует отметить, что реальное оснащение СЯС отличается от договорно-правовых данных, которые диктуются правилами засчета Договора СНВ. Тяже-

лые бомбардировщики засчитываются как один носитель и один боезаряд, хотя на деле способны нести до 12–20 боезарядов (авиационных крылатых ракет и бомб). Поэтому по реальной загрузке каждая из двух держав располагает примерно 2 тыс. ядерных боезарядов, которые их СЯС могут доставить за один пуск/вылет.

В последние годы Россия перестала публиковать данные о распределении СЯС по видам и типам. По неофициальным данным, российские наземные ракетные силы насчитывают 300 пусковых установок и МБР. В том числе в шахтных пусковых установках имеется примерно 50 тяжелых МБР типа РС-20 (каждая с 10 боеголовками в разделяющихся головных частях индивидуально-го наведения – РГЧ), около 30 ракет типа РС-18 (каждая с 6 боеголовками), порядка 120 грунтово-мобильных пусковых установок и ракет с моноблочной головной частью типа РС-12М «Тополь», а также 80 МБР типа РС-12М2 «Тополь-М» шахтного и мобильного базирования с моноблочной головной частью. Новейшая система МБР шахтного и грунтово-мобильного базирования с разделяющейся головной частью типа «Ярс» (РС-24) насчитывает более 30 единиц.

Морская составляющая имеет 12 атомных ракетных подводных лодок (ПЛАРБ), называемых еще ракетными подводными крейсерами стратегического назначения (РПК СН), на которых размещено примерно 140 БРПЛ (которые иногда причисляют к МБР, поскольку они имеют межконтинентальную дальность – более 5,5 тыс. км). Из них в боевом составе есть 6 ПЛАРБ типа «Дельфин» (проекта 667 БДРМ) с ракетами РСМ-54 и 3 более старых атомных подводных ракетносца типа «Кальмар» (667 БДР) с БРПЛ типа РСМ-50. Также засчитывается 3 новых подводных лодки типа «Юрий Долгорукий» (проект 955), каждая с 16 ракетами РСМ-56 «Булава-30».

Авиационный компонент состоит из 61 самолета – 50 турбовинтовых тяжелых бомбардировщиков типа Ту-95 и 11 реактивных бомбардировщиков Ту-160 («Белый лебедь»).

Оперативно-тактические вооружения. Россия не предоставляет официальных данных о численности и составе своих нестратегических (оперативно-такти-

5

ТУРБОВИНТОВЫЕ ТЯЖЕЛЫЕ БОМБАРДИРОВЩИКИ ТУ-95МС СОСТАВЛЯЮТ БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ АВИАЦИОННОГО КОМПОНЕНТА СЯС

ческих, или достратегических) ядерных сил. В отличие от СЯС, названные системы оружия предназначены не для поражения стратегических объектов противников (его стратегических сил, их информационно-управляющих систем и административно-промышленных целей), а для ударов по ядерным и обычным вооруженным силам и инфраструктуре на театрах военных действий. По большей части – опять-таки не в пример СЯС – средства этого класса используют носители двойного назначения (то есть для доставки как ядерных, так и обычных боезарядов). Они не поддерживаются постоянно в высокой боевой готовности и в мирное время в основном размещены в специальных хранилищах.

По вышеупомянутым неофициальным данным⁴, в настоящее время у России имеется около 2 тыс. ядерных боезарядов такого класса. Для их доставки предназначены бомбардировщики средней дальности и фронтовые бомбардировщики. Кроме того, есть авиационные ракеты и глубинные бомбы для морской авиации. Имеются ядерные тактические противокорабельные, противолодочные ракеты, глубинные бомбы и торпеды для ВМФ, а также крылатые ракеты большой дальности (КРБД) для многоцелевых подводных лодок. Наконец, есть ядерные боезаряды для зенитных ракет ПВО (воздушно-космической обороны).

По заявлениям военно-политического руководства России, все нестратегические ядерные средства находятся на объектах централизованного хранения⁵. Там же хранятся резервные боезаряды СЯС и боеприпасы, предназначенные для разборки и утилизации. Их общее количество держится в секрете, но зарубежные специалисты сходятся на цифре порядка 7,5 тыс. единиц⁶.

В Соединенных Штатах численность достратегических ядерных вооружений тоже засекречена, однако неправительственные источники⁷ предполагают наличие от 200 до 500 таких средств в виде авиационных бомб свободного падения типа «Б-61» для тактических истребителей-бомбардировщиков. Видимо, порядка 200 бомб размещено в хранилищах пяти стран Европы (ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды, Турция) и предназначено для тактической авиации США и их союзников по НАТО. В общей сложности ядерный арсенал США (включая резервные стратегические боезаряды и те, что готовятся к утилизации) оценивается в 7260 единиц⁸.

Программы развития ядерных сил. В своей программной статье перед выборами 2012 года⁹ В.В. Путин подчеркивал: «...Мы ни при каких условиях не откажемся от потенциала стратегического сдерживания и будем его укреплять. <...> До тех пор пока «порох» стратегических ядерных сил, созданных огромным трудом наших отцов и дедов, остается «сухим», никто не посмеет развязать против нас широкомасштабную агрессию». И далее: «...В структуре вооруженных сил сохранится роль и значение сил ядерного сдерживания. Во всяком случае до тех пор, пока у нас не появятся другие виды оружия, ударные комплексы нового поколения».

Открытые разделы государственной программы вооружения России до недавнего времени предусматривали закупку и развертывание к 2020 году около 400 стратегических ракет наземного и морского базирования и строительство 8 РПК СН вышеупомянутого типа «Борей». Ежегодные темпы ракетостроения в 2014 году достигли 38 МБР и БРПЛ, была построена 1 ракетная

⁴ SIPRI Yearbook 2014... Р. 300.

⁵ См: Литовкин В. Безопасность бывает только равной // Независимое военное обозрение. 2008. 19 дек. С. 3; Иванов. С. Ядерное ра-

зужение: возможен ли «глобальный ноль»? // Военно-промышленный курьер. 2010. 17–23 фев. №6. С. 3. В дальнейших ссылках на эти газеты будут употребляться их со-

кращенные наименования: НВО и ВПК соответственно.

⁶ SIPRI Yearbook 2014... Р. 300.

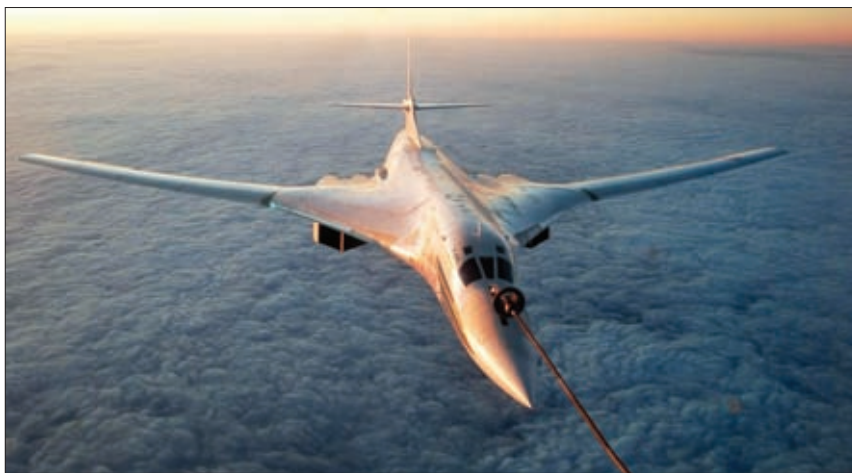
⁷ SIPRI Yearbook 2014... Р. 290.

⁸ Там же.

⁹ Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Рос. газ. 2012. 20 февр. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html>.

6

МЕЖКОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РАКЕТОНОСЕЦ-БОМБАРДИРОВЩИК ТУ-160, ООРУЖЕННЫЙ КРЫЛАТЫМИ РАКЕТАМИ БОЛЬШОЙ ДАЛЬНОСТИ, ЯВЛЯЕТСЯ САМЫМ КРУПНЫМ В ИСТОРИИ ВОЕННОЙ АВИАЦИИ СВЕРХЗВУКОВЫМ САМОЛЕТОМ, А ТАКЖЕ САМЫМ ТЯЖЕЛЫМ БОЕВЫМ САМОЛЕТОМ В МИРЕ

подводная лодка. А в 2015 году планировалось закупить еще 1 подводный ракетоносец и 50 ракет, но потом план по ракетам был скорректирован до 40 единиц.

Одновременно в разных стадиях жизненного цикла находятся 10 ракетных систем¹⁰. Для наземных ракетных сил продолжается развертывание МБР шахтного и грунтово-мобильного базирования с РГЧ типа «Ярс» (РС-24). Также разрабатывается новая легкая ракетная система «Рубеж» (которая испытывалась на межконтинентальную и среднюю дальность). Началась разработка новой ракетной системы железнодорожного базирования, названной «Баргузин». Ведется разработка новой тяжелой ракеты шахтного базирования типа «Сармат» на смену тяжелой ракетной системе «Воевода» (РС-20, названной на Западе «Сатана»). Она будет иметь стартовый вес 100 т («Воевода» – более 200 т) и нести боевую нагрузку около 10 т (порядка 10 боеголовок РГЧ). Испытания планируются с 2015 года, а развертывание – в конце 2020-х годов в переоборудованных шахтных пусковых установках от тяжелых ракет в Ужурской и Домбаровской дивизиях (Красноярский край и Оренбургская область)¹¹.

На флоте продолжается производство морских ракет «Синева»/«Лайнер» (РСМ-54) для прежних подводных лодок (проекта 667 БДРМ) и развертываются БРПЛ «Булава-30» для новых ракетоносцев проекта 955 «Борей». Еще на период после 2020 года намечалось принятие на вооружение нового типа тяжелых бомбардировщиков (ПАК ДА), но затем было решено возобновить производство самолетов Ту-160, а новую систему отложить на более отдаленное будущее. Масштаб и разнообразие ракетных программ начинают напоминать советские времена, хотя российская экономика и бюджетная система имеют принципиально иной, рыночный характер.

Нелишне напомнить, что помимо ударных средств СЯС огромные суммы выделяются на информационно-управляющие системы (включая РЛС высокой заводской готовности, спутники раннего предупреждения и интегрированную систему боевого управления), воздушно-космическую оборону, оперативно-тактическое оружие (включая ракетные комплексы двойного назначения типа «Искандер-М» и новые фронтовые бомбардировщики Су-34). Всё это – не говоря уже об интенсивном техническом перевооружении сил общего назначения, расширении контрактной службы, улучшении боевой подготовки, повышении денежного довольствия и жилищном обеспечении военнослужащих.

Будущий состав и уровень российских СЯС определяются темпами снятия с вооружения устаревших систем, которые развертывались в 1980–1990-е годы, и масштабом принятия новых ракетных средств. Новый Договор СНВ сроком действия до 2020 года предполагает ограничение СЯС России и США 700 развернутыми пусковыми установками ракет и тяжелых бомбардировщиков и 1550 боезарядами. Россия без труда выполнит эти требования, поскольку снимает больше устаревших вооружений, чем вводит в боевой состав новых.

Программа развития ядерных сил США в настоящее время выглядит более скромно. Однако это объясняется не их миролюбием, а несовпадением циклов обновления вооружений и военной техники. Американские СЯС и другие ядерные вооружения будут заменяться новыми системами после 2020 года. Текущая программа не предусматривает строительства новых баллистических ракет, бомбардировщиков или стратегических подводных лодок. Технический ресурс МБР «Минитмен-3» продлен до 2030 года, и некоторые из них перевооружаются с 3 боеголовок РГЧ на моноблочную головную часть с более мощной боеголовкой

¹⁰ В двух шагах от военного паритета // НВО. 2015. 22 мая. №18 (854). С. 2.

¹¹ ГРЦ имени Макеева разрабатывает новую тяжелую МБР без ре-

утовских ракетчиков // ВПК. 2015. 17 июня. №22 (588). С. 1.

(300 кг) типа Mk 21/W-87 от демонтированных ракет «Пискипер». Продолжается производство модифицированных БРПЛ типа «Трайидент-2» для переоснащения ПЛАРБ типа «Огайо», которые будут выводиться из боевого состава только с 2030 года. ВВС разрабатывают новую систему «Усовершенствованная крылатая ракета» и приступили к проектированию перспективного тяжелого бомбардировщика на период после 2020 года. Имея бюджет стратегических сил больший, чем все расходы на национальную оборону России, Соединенные Штаты планируют по одной новой системе оружия на обновление каждой составляющей стратегической триады. Если в текущем десятилетии не будет заключен договор о дальнейших сокращениях стратегических сил, то масштабы перевооружения американских СЯС после 2020 года будут весьма внушительными и по количеству, и по качественным параметрам.

Пока же США легко укладываются в рамки сокращений нового Договора СНВ, главным образом не снимая носители, а уменьшая число боеголовок на многозарядных баллистических ракетах. В зависимости от способа выполнения договора к 2020 году американские СЯС могут, например, состоять из 400 МБР «Минитмен-3» с моноблочной головной частью, 14 ПЛАРБ типа «Огайо» (4 подводные лодки этого типа будут оснащены КРБД с обычными боезарядами). Около 20 тяжелых бомбардировщиков типа Б-52 будут нести ядерные крылатые ракеты и бомбы свободного падения, а остальные пройдут переоборудование под высокоточные крылатые ракеты в неядерном оснащении.

В части нестратегического ядерного оружия в 2010 году было принято решение ликвидировать все ядерные КРМБ типа «Томагавк», но сохранить и усовершенствовать авиабомбы типа В-61. Видимо, новый многоцелевой тактический истребитель типа F-35 будет сертифицирован для оснащения этими бомбами.

Доктринальные положения. Современная российская ядерная стратегия была представлена в новой военной доктрине, опубликованной в феврале 2010 года¹². В этом руководящем документе, в частности, указывалось: «Российская Федерация обеспечивает постоянную готовность Вооруженных Сил и других войск к сдерживанию и предотвращению военных конфликтов, к вооруженной защите Российской Федерации и ее союзников в соответствии с нормами международного права и международными договорами Российской Федерации».

Недопущение ядерного военного конфликта, как и любого другого военного конфликта, – важнейшая задача Российской Федерации».

Порядок применения ЯО был определен следующим образом: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с при-

менением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства».

Иными словами, ядерные силы России предназначены, во-первых, для ответного ядерного удара в качестве возмездия за ядерный удар противника по России и (или) ее союзникам. Во-вторых, для первого ядерного удара в ответ на нападение на Россию и ее союзников с использованием химического, бактериологического или радиологического оружия. В-третьих, для первого ядерного удара в условиях неминуемой национальной катастрофы в результате нападения на Россию (но не на ее союзников) с использованием обычных вооруженных сил и вооружений. Последнее, очевидно, относится к тому факту, что НАТО увеличивает свои силы общего назначения, а также высокоточные обычные вооружения. К тому же стратегическая ситуация на Востоке меняется не в пользу России. Боевые задачи ядерных сил определяются в документе как «нанесение заданного ущерба агрессору в любых условиях обстановки».

В ходе украинского кризиса впервые за многие десятилетия сценарии вооруженного конфликта между Россией и НАТО вновь стали политической реальностью, возобновилось наращивание военной мощи по линиям противостояния России и НАТО, началась регулярная демонстрация силы (включая полеты стратегических бомбардировщиков и пуски ракет). В августе 2014 года Президент Российской Федерации В.В. Путин заявил: «Наши партнеры, независимо от ситуации в их странах или их внешней политики, должны всегда иметь в виду, что с Россией лучше не связываться. Я напому, что Россия является одной из крупнейших ядерных держав. Это не просто слова, это реальность, и, более того, мы укрепляем наш потенциал ядерного сдерживания»¹³.

Со своей стороны, президент Соединенных Штатов во время украинского военного конфликта снял с повестки дня вопрос о следующем договоре СНВ и стал говорить о России как об «угрозе». Авторитетные исследовательские центры начали всерьез обсуждать необходимость готовиться к вооруженному конфликту с обновленной российской армией и наращивать ядерный потенциал США в Европе¹⁴.

В новейшем издании российской военной доктрины¹⁵, принятой в конце 2014 года, вопреки предложениям сторонников радикальных ядерных концепций воспроизведена без изменений прежняя, вполне сдержанная формулировка в части применения ЯО: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие...» – и далее, как в тексте 2010 года. Из новшеств следует отметить, что среди основных задач Вооруженных Сил Российской Федерации в мирное время упомянуто «стратегическое (ядерное и неядерное) (выделено мною. – А.А.) сдерживание, в том числе предотвращение военных конфликтов».

¹² Военная доктрина Российской Федерации утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 года №146.

¹³ Зарубежные СМИ: Путин угрожает Западу ядерным оружием // The Russian Times. 2014. 20 апр. URL: the-russiantimes.com/news/12416.html.

¹⁴ Marshall T.C., Jr. Hagel Praises Army's Strength, Resilience. URL: <http://www.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=123425> (accessed: 19 January 2015); Kroenig M. Facing Reality:

Getting NATO Ready for a New Cold War // Survival. 2015. Feb.-Mar. Vol. 57 (1). P. 58–60, 62, 64.

¹⁵ URL: <http://www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html>.

Видимо, разработчики официальных стратегических документов и реальных планов военных операций, в отличие от кабинетных стратегов, осознают реальность ядерного века. А именно что любое применение ядерного оружия, кроме как при катастрофической угрозе национальной безопасности, – это авантюризм, преступный по отношению к судьбе своей страны. В конфликте с крупными ядерными державами ответом на такой шаг будет, скорее всего, не «деэскалация», а применение ЯО, что повлечет быструю и неконтролируемую эскалацию ядерных ударов вплоть до обмена массированными стратегическими залпами. В итоге сотни миллионов убитых с обеих сторон в первые несколько часов войны, а в последующие дни и недели – катастрофа для всего остального мира. В столкновении же с более слабыми, тем более неядерными, государствами применение ЯО избыточно. По большей части именно так расцениваются сейчас бомбардировки Хиросимы и Нагасаки на последнем этапе Второй мировой войны, несмотря на то что Япония изначально была агрессором и союзником гитлеровской Германии.

Сегодняшним изобретателям упрощенного подхода к применению ЯО, видимо, неизвестно, что концепции ограниченной ядерной войны дебатировались в НАТО на протяжении нескольких десятилетий, но в конце концов были упразднены из-за своей явной самоубийственности. Тогда на смену им пришла концепция воздушно-наземного сражения – высокоточных неядерных авиаракетных ударов по вторым эшелонам наступающих армий противника. Что касается Советского Союза, то он всегда отвергал концепции ограниченного ядерного конфликта и рассматривал применение оперативно-тактического ЯО только в контексте глобальной войны.

В целом можно отметить, что российская военная доктрина выражает весьма сдержанное отношение к возможностям и задачам ЯО. Причем это отношение очевидно и в сравнении с ядерными стратегическими концепциями США, Франции и других ядерных государств, а также НАТО.

Новейший вариант ядерной стратегии США был выдвинут в документе «Обзор ядерного положения»¹⁶, опубликованном в апреле 2010 года, который по существу стал новой ядерной доктриной США, приведенной в большее соответствие политике администрации Барака Обамы.

В этом документе отмечено: «Фундаментальная роль ядерного оружия США, пока существует ядерное оружие, состоит в сдерживании ядерного нападения на США, их союзников и партнеров». Соединенные Штаты «будут рассматривать возможность применения ядерного оружия только в крайних обстоятельствах для защиты жизненно важных интересов США, их союзников и партнеров». При этом Соединенные Штаты «готовы объявить, что не будут использовать и не будут угрожать использованием ядерного оружия против неядерных го-

сударств, которые являются участниками ДНЯО (Договора о нераспространении ядерного оружия. – А.А.) и выполняют свои обязательства по нераспространению»¹⁷.

Правда, это обязательство не относится к ядерным державам и странам, нарушающим ДНЯО. Поэтому США сохраняют вариант ядерного сдерживания нападения с использованием обычного оружия или других видов оружия массового уничтожения «для узкого набора сценариев». Потому они «не готовы в настоящее время принять безоговорочную политику сдерживания ядерного нападения как единственного предназначения ядерного оружия, но будут действовать в направлении создания условий, при которых такая политика могла бы быть безопасно принята»¹⁸.

Таким образом, Вашингтон делает относительно меньший акцент на ЯО, обладая преимуществами (вместе с союзниками по НАТО) в силах общего назначения, в неядерных высокоточных системах большой дальности (средствах воздушно-космического нападения) и системах глобальной и региональной ПРО. Кроме того, США предусматривают применение ЯО первыми в случае агрессии против союзников в Европе и Азии с использованием сил общего назначения и обычных вооружений, но не в условиях такого нападения на собственную территорию – просто потому, что подобная угроза перед ними не стоит.

ДРУГИЕ ЯДЕРНЫЕ ДЕРЖАВЫ

Франция, вероятно, стоит на третьем месте в мире по стратегическим ядерным вооружениям с ее 108 носителями и примерно 300 боезарядами, хотя число последних официально сообщается приблизительно. Франция испытала ЯО в 1960 году и имеет на вооружении термоядерные боезаряды мощностью 100–300 кт. В 2009 году Париж объявил о намерении наполовину сократить авиационный компонент, что снизит количественный уровень СЯС примерно до 100 носителей и 250 боезарядов¹⁹. Официальная военная доктрина Франции предусматривает весьма широкий набор сценариев применения ЯО, включая первый удар.

Великобритания имеет 4 подводные лодки типа «Вангард», на которых развернуто 48 БРПЛ «Трайдент-2», закупаемых в США, и 160 английских ядерных боеголовок²⁰. Ее доктрина имеет более узкий диапазон вариантов применения ЯО с упором на ответный удар.

Китайская Народная Республика в настоящее время – единственная из пяти великих держав – постоянных членов Совета Безопасности ООН и признанных пяти ядерных держав ДНЯО, которая не предоставляет никакой официальной информации о своих вооруженных силах, включая ядерные средства. При этом Китай – единственная из пяти великих держав

¹⁶ Nuclear Posture Review Report: April 2010. Washington D.C., 2010.

¹⁹ SIPRI Yearbook 2014... P. 213.

²⁰ SIPRI Yearbook 2014... P. 312.

¹⁷ Там же. С. 8.

¹⁸ Там же.

и из всех девяти ядерных стран, которая не может применять ЯО первой. Зарубежные оценки ядерных средств КНР чаще всего предполагают наличие у нее в общей сложности примерно 250 боеголовок на ракетах различного класса. Однако есть весьма компетентные мнения, что реальный ядерный потенциал Китая намного больше – 1 тыс. и более ядерных боезарядов, причем значительная его часть укрыта в подземных тоннелях большой протяженности²¹. Так или иначе, несомненно, что экономический и технический потенциал КНР позволяет осуществить быстрое наращивание ракетно-ядерных вооружений по всему диапазону их видов и типов, в чем Китай намного превосходит все другие ядерные державы, кроме США и России.

Израиль проводит стратегию ядерного сдерживания по принципу «не подтверждать и не отрицать». Официально не признанный ядерный потенциал Израиля, по нынешним оценкам, составляет от 60 до 200 ядерных боеприпасов²² для ракетных и авиационных носителей.

Индия, наряду с Пакистаном и Израилем, относится к категории государств – обладателей ЯО, не имеющих юридического статуса ядерной державы согласно статье IX ДНЯО. Дели не предоставляет официальных данных о своих ядерных силах и программах. Большинство специалистов оценивают индийский потенциал примерно в 100 ядерных боезарядов, которые могут быть размещены на соответствующем количестве ракет различного класса и на средних и тактических бомбардировщиках²³. Как и Китай, Индия приняла обязательство о неприменении ЯО первой, сделав исключение для ядерного ответного удара в случае нападения на нее с использованием других видов оружия массового уничтожения.

Пакистанский ядерный арсенал в отсутствие какой-либо официальной информации оценивается примерно в 100–110 боезарядов для ракетных и авиационных носителей²⁴. Оперативно-тактические ракеты выдвинуты на рубежи в пределах досягаемости индийской территории (как и индийские – вблизи пакистанской). Системы средней дальности перекрывают практически всю территорию Индии, Центральной Азии и российской Западной Сибири. Официальная ядерная стратегия Пакистана открыто опирается на концепцию первого (превентивного) ядерного удара – со ссылкой на превосходство Индии в силах общего назначения.

Корейская Народная Демократическая Республика воспользовалась в военных целях плодами мирного ядерного сотрудничества с другими странами в рамках ДНЯО, а затем вышла из договора в 2003 году и провела первое ядерное испытание в 2006 году. Поэтому выход КНДР из договора считается незаконным, а ее ядерный статус де-юре не признается мировым сообществом. Тем не менее де-факто КНДР является государством – обла-

дателем ЯО и, по зарубежным оценкам, имеет 6–10 ядерных взрывных устройств²⁵. При этом неясно, могут ли они быть установлены на ракетные носители, испытанные Северной Кореей.

КОНТРОЛЬ НАД ЯДЕРНЫМ ОРУЖИЕМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Можно констатировать, что сегодня процесс переговоров о сокращении ЯО и его нераспространении зашел в тупик, а система договоров подвергается политической и военно-технической эрозии и может быть разрушена уже в ближайшее время. Правда, два краеугольных соглашения в сфере наступательных ядерных вооружений всё еще соблюдаются: новый (Пражский) Договор СНВ от 2010 года и Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (Договор РСМД) от 1987 года. Но и их будущее под угрозой.

Соединенные Штаты после внесения двух коррекций в программу противоракетной обороны в Европе (с учетом возражений России) в 2009 и 2011 годах теперь не соглашаются на какие-либо ограничения системы ПРО и вот уже более 20 лет отказываются от ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Одновременно они обвиняют Россию в нарушении Договора РСМД. Ссылаясь на это, республиканское большинство в конгрессе поднимает вопрос о денонсации данного соглашения, а также о выходе из нового Договора СНВ²⁶.

В России на официальном уровне высказывались сомнения в целесообразности Договора РСМД. А в неофициальном кругу специалистов открыто звучат призывы денонсировать его, а заодно новый Договор СНВ, ДВЗЯИ и даже ДНЯО.

Помимо двух ядерных сверхдержав, остальные семь государств – обладателей ЯО, как и раньше, не желают присоединиться к процессу разоружения и ограничить свои ядерные вооружения, требуя, чтобы Россия и США сначала сократили свои вооружения примерно до уровня третьих ядерных государств.

Процесс нераспространения ЯО также вступил в фазу распада. Вопреки надеждам, после заключения временного соглашения группы стран «5+1»²⁷ с Ираном об ограничении ядерной программы последнего в ноябре 2013 года достичь устраивающего всех результата не удалось. Наращивание ядерного потенциала КНДР (которая вышла из ДНЯО в 2003 году и провела три ядерных испытания) угрожает всему режиму нераспространения ЯО. После успешной обзорной конференции по ДНЯО в 2010 году пока не удалось сделать почти никаких практически значимых шагов по укреплению ДНЯО, а обзорная конференция по ДНЯО в 2015 году потерпела фиаско.

²¹ См. об этом: Перспективы участия Китая в ограничении ядерных вооружений. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 27–35.

²² SIPRI Yearbook 2014... P. 334.

²³ Там же. С. 324.

²⁴ SIPRI Yearbook 2014... С. 350.

²⁵ Там же. С. 338.

²⁶ Подробнее об этом см.: Иванов В. Америке не нужен мощный «ядерный забор» // НВО. 2014. 19–25 дек. №46 (835). С. 10.

²⁷ Эта группа включает Россию, США, Великобританию, Францию, Китай и Германию.

Соединенные Штаты, выйдя из Договора по ПРО в 2002 году, развертывают глобальную противоракетную систему с региональными сегментами в Евро-Атлантическом и Тихоокеанском регионах. Вопреки всем предложениям России они отказались ее ограничивать путем создания совместной системы либо через принятие юридически обязывающих условий ненаправленности ПРО друг на друга. С 2011 года Россия приступила к строительству собственной системы воздушно-космической обороны (ВКО) в составе систем ПРО, противовоздушной и противокосмической обороны «в единой связке», как сказал президент В.В. Путин на заседании коллегии Минобороны России 19 декабря 2014 года.

Еще одной важнейшей военно-технической тенденцией является развитие высокоточных ударных ракет большой дальности в неядерном оснащении, опирающихся на новейшие системы управления и информационного обеспечения, в том числе космического базирования. В обозримой перспективе вероятно создание частично-орбитальных и гиперзвуковых ракетно-планирующих средств с обычными боеголовками. В данной области США тоже пытаются добиться превосходства.

В новом издании российской военной доктрины²⁸, принятой в конце 2014 года, на четвертом месте в списке военных опасностей для России (после расширения НАТО, глобальной и региональной дестабилизации и наращивания иностранных военных группировок вокруг нашей страны) стоит «создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, реализация концепции «глобального удара», намерение разместить оружие в космосе, а также развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия». В России вслед за Соединенными Штатами такие разработки тоже ведутся и считаются приоритетными.

Как ни оценивая степень угрозы со стороны новейших американских оборонительных и наступательных неядерных систем, нельзя не признать, что они создают большие проблемы. Они внесут существенную неопределенность в оценки стратегического баланса и расчеты достаточности сил сдерживания. К еще большим осложнениям они приведут в переговорах о контроле над вооружениями и даже в сохранении уже действующих договоров, таких как Договор РСМД и новый Договор СНВ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЯО остается важнейшей гарантией национальной безопасности и обороноспособности Российской Федерации в условиях сохранения великими державами крупного ядерного потенциала, а также при существующих дисбалансах в силах общего назначения на региональном уровне, при развитии новейших высокоточных

неядерных наступательных и оборонительных систем оружия. Задача сохранения всеобщей безопасности актуальна и из-за возобновления военно-политической конфронтации и взаимных санкций России и Запада, вызванных украинским кризисом. Силовой произвол США и НАТО в прошедшие десятилетия (Югославия, Ирак, Ливия, Сирия) показал недостаточность и слабость международно-правовых норм и институтов в качестве гарантии обеспечения международной безопасности.

Вместе с тем необходимо признать, что ядерное сдерживание само по себе не является абсолютной гарантией национальной безопасности и имеет весьма узкий диапазон применения, что отражено в российской военной доктрине. Отношения взаимного ядерного сдерживания заставляют великие державы и их союзы всемерно избегать прямого вооруженного столкновения даже на локальном уровне, что еще раз продемонстрировали украинские события. Но эти же события показали, что «медаль» ядерного сдерживания имеет две стороны. Гибридные военные операции, военная помощь крупным державам противоборствующим сторонам, жесткие ядерные декларации, интенсивная демонстрация силы (в том числе с использованием стратегических систем оружия), угрозы размещения новых ядерных средств вблизи границ друг друга – всё это способно вовлечь государства в непреднамеренный конфликт и привести к неуправляемой эскалации с катастрофическими последствиями.

В качестве великодержавного статусного атрибута ЯО тоже пока сохраняет свою роль, но она снижается по мере расширения круга государств – обладателей ЯО, а также в свете развития новейших систем неядерных вооружений. Ядерное превосходство великих держав над третьими ядерными государствами и тем более над неядерными странами всё еще можно трансформировать в политическое давление на противников или в политические гарантии безопасности союзникам. Однако и эти возможности сужаются, как показал опыт давления США на Иран ввиду якобы беспокойства по поводу безопасности со стороны американских союзников в Европе и Азии. Разного рода результативные военные операции последнего времени (Югославия, Афганистан, Ирак, Ливия, Грузия, Украина) не имели отношения к ядерному превосходству победителей.

Не менее важно, что ЯО на протяжении последних 50 лет стало существенным инструментом политического влияния государств через переговоры о сокращении вооружений и нераспространении ЯО. Поскольку такие переговоры остаются в центре проблематики международной безопасности, участвующие в них страны имеют соответствующий политический вес в международных отношениях. В условиях тупика и распада режимов ограничения вооружений политическая роль ЯО девальвируется.

Это тем более очевидно, поскольку увековечивание ЯО в качестве незаменимой опоры безопасности великих держав и отсутствие движения в направлении ядерного разоружения неизбежно влечет распростране-

²⁸ URL: <http://www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html>.

ние ЯО и рано или поздно делает неотвратимым его боевое или террористическое применение. Данное правило было лучше всего сформулировано в докладе Канберрской комиссии по уничтожению ядерного оружия в августе 1996 года и воспроизведено в докладе Международной комиссии по ядерному нераспространению и разоружению (по японо-австралийской инициативе) в 2009 году: «Пока хотя бы одно государство обладает ядерным оружием, другие государства тоже захотят его обрести. Пока остается какое-либо количество такого оружия, невозможно поверить, что оно рано или поздно не будет применено случайно, из-за просчета или преднамеренно. Любое такое применение станет катастрофой. Только исключительным везением можно объяснить то обстоятельство, что мир до сих пор избежал такой катастрофы»²⁹.

Процесс осознания этих истин занял долгое время, он далеко не завершен и сейчас. В 1950–1960-е годы ядерное разоружение было предметом жарких пропагандистских баталий в ООН и на других форумах, но не являлось сферой практической политики. В 1970–1990-е годы практическая политика занялась реальными договоренностями о частичных мерах сокращения и ограничения ядерных вооружений и их нераспространения, а ядерное разоружение служило лишь в качестве ритуальной мантры. В первом десятилетии XXI века по инициативе республиканской администрации США ядерное разоружение было объявлено анахронизмом холодной войны, и усилия сосредоточились на силовых методах ядерного нераспространения. В результате режимы как ядерного разоружения, так и ядерного нераспространения стали распадаться.

Новый этап эволюции данной сферы сознания и деятельности наступил с опубликованием знаменитой статьи четырех авторитетных американских деятелей, которых никак нельзя было причислить к идеалистам³⁰. Они призвали вернуть концепцию ядерного разоружения в обиход практической политики государств в качестве незаменимого условия нераспространения ЯО.

Это обращение повлекло «ренессанс» идеи ядерного разоружения, которая в 2010 году вылилась в новый Договор СНВ и успех обзорной конференции по ДНЯО.

Вслед за тем тупик на переговорах России и США, вызванный отмеченными выше военно-стратегическими причинами и политической конфронтацией из-за украинского кризиса, повлек всеобъемлющую деградацию процессов и режимов контроля над ЯО. Если эта стагнация не будет преодолена, договорно-правовая система ядерной безопасности в мире может разрушиться с катастрофическими последствиями для всех стран, включая великие державы.

В своей речи на Валдайском форуме в Сочи в октябре 2014 года президент В.В. Путин указал на эту угрозу, сказав, что есть «реальная перспектива разрушения действующей системы договоров об ограничениях и контроле над вооружениями. <...> Мы вновь скатываемся к тем временам, когда не баланс интересов и взаимных гарантий, а страх, баланс взаимоуничтожения удерживает страны от прямого столкновения. <...> Многие государства не видят других гарантий обеспечения суверенитета, кроме как обзавестись своей собственной бомбой. Это крайне опасно»³¹.

В той же речи глава Российского государства определил магистральный путь решения этой кардинальной проблемы: «Мы настаиваем на продолжении переговоров, мы не просто за переговоры – мы настаиваем на продолжении переговоров по сокращению ядерных арсеналов. Чем меньше ядерного оружия в мире, тем лучше. И готовы к самому серьезному предметному разговору по вопросам ядерного разоружения, но именно к серьезному, как говорится, без двойных стандартов».

Остается надеяться, что здравый смысл и чувство самосохранения возьмут верх в мировом сообществе, украинский кризис будет урегулирован политическим путем, процессы и режимы контроля над ЯО будут сохранены и возобновят поступательное движение.

²⁹ Eliminating Nuclear Threats: A practical agenda for global policymakers. Canberra, 2009. P. 17.

³⁰ Shultz P., Perry W., Kissinger G., Nunn S. Toward a Nuclear-Free World // The Wall Street Journal. 2008, Jan. 15.

³¹ Путин В.В. Остановить глобальный хаос // Рос. газ. 2014. 24 окт.